

оно растет и, наконец, страсть сильная (любовь к Татьяне) губит его окончательно. Так, проследив судьбу Онегина, можно, грубо говоря, сделать вывод: часть его жизни до дуэли с Ленским противопоставлена его дальнейшей судьбе, вернее, Онегин до этого события противопоставлен Онегину после, состояние «покоя и воли» не дарило счастья, но и не рождало «злых минут». От минуты гибели Ленского до той «злой» минуты, когда автор расстается с героем, страсти играли судьбой Онегина. Не за то он «наказан», что думал: «вольность и покой замена счастью», а за то, что однажды от «вольности и покоя» отступился, следуя законам света.

Татьяна, «верный идеал», не случайно ошибается, обвиняя Онегина. Действительно, любовь Татьяны теперь могла бы «в обществе принести» Онегину «соблазнительную честь». И Татьяна, помня о прежнем Евгении, говорит ему: «я знаю, в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь». «Прямая честь» противопоставлена ею «соблазнительной». Любовь нынешнего Онегина в глазах Татьяны — «чувство мелкое», ведь Онегин невольно поступает как светский человек и по законам света.

Образ Татьяны, наиболее близкий автору, является носителем мысли-антитезы: счастье-«призрак» — «покой и воля», впрочем, как и два других главных героя: Онегин и Ленский. Но в отличие от них Татьяна не хрупкое суденышко в волнах страстей. И если не властна она подавить в себе стремление к счастью-«призраку», то способна понять его неосуществимость. Еще до трагической сцены дуэли она говорит:

...гибель от него любезна,
Я не ропщу, зачем роптать?
Не может он мне счастья дать (VI, 118)

Она понимает, что страсть может привести ее лишь к гибели. До появления Онегина Татьяна, любящая природу, уединение, в своем «покое» была почти счастлива. Чтение романов, в которых страсть подчиняла себе судьбы героев, подготовило рождение любви к Онегину, ее духовное перерождение, словом, ответ на вопрос о причине несчастья Татьяны дает сам Пушкин:

Нас пыл сердечный рано мучит,
Очаровательный обман
Люби нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан...
Природы глас предупреждая,
Мы только счастье вредим. (VI, 546)

Страсть к Онегину с годами становится все слабее, она спрятана в глубь души, и Татьяна, какой мы находим ее в заключительной главе, снова почти счастлива. Все приближает ее к состоянию «покоя и воли». Недаром Пушкин так много пишет об ее естественности, бесстрастности, противопоставив внешность и поведение ее свету, а в VIII главе ее состояние противопоставлено состоянию влюбленного Онегина и определяется так:

Она
Сидит покойна и вольна. (VI, 175)

Страсть Ленского руководит его судьбой, приводит к ложному познанию и бессмысленной гибели. Только смерть избавляет юношу от «страстей жестоких»: «Поэт, бесчувствием блаженный, Уж не смущается ничем» (VI, 143). Позднее у Пушкина идея-антитеза: счастье — «покой и воля» («замена счастию») концентрируется в стихотворении «Пора, мой друг, пора...» (1834) в лаконичную формулу:

На свете счастья нет, но есть
покой и воля.)